

ния нового императора из среды латинцев. Затем 9 апреля приступлено было к осаде города; вслед за побегом Мурцуфлоса, никогда доселе не видевшая еще в своих стенах иноземных победителей, властительница морей и трех частей света была 12 и 18 апреля 1204 г. взята штурмом несколькими тысячами венецианцев, французов, ломбардцев и немцев и подверглась сожжению, грабежу и иным не имеющим названия ужасам.

Завоевание Константинополя было одним из отважнейших воинских подвигов, когда-либо занесенных на страницы истории. Это событие огромной важности, и все, что отсюда последовало, являлось в глазах удивленного Запада высшею степенью рыцарской славы «с той самой поры, как создан был мир». Люди данной эпохи совершенно были правы в подобной оценке свершившихся событий. Они руководствовались и иным нравственным законом, и иными правовыми воззрениями на международные отношения, нежели мы. Ныне же властвующая над нами философия заставляет нас взирать на доблестный подвиг франков как на одно из грубейших нарушений, каким когда-либо подвергалось международное право. Денежная сила Венеции соединилась вместе с воинской жестокостью и жадой приключений, присущими странствующим рыцарям Европы, чтобы нанести губительный удар старейшему из христианских государств. За спиной жаждавшего славы героя притаился купец, падкий до барышей, и он-то и извлек из завоевания наибольшие выгоды. Единственная разумная мысль, какая может обосновать латинский поход, сводится к величественному замыслу Венеции оплести греческое Средиземное море целой сетью своих факторий и прибрать к своим рукам монополию мировой торговли. А там уж и папа, которого дож, однако же, перехитрил своей государственной мудростью, в свою очередь поспешил воспользоваться свершившимся фактом и воспринять Византию в систему своего духовного владычества, обнимавшего вселенную. Иннокентий III нарочито воспретил крестоносцам нападать на христианские земли и в особенности на страны, входившие в состав греческого царства, и даже отлучил от церкви ослуш-